

Дидактическая игра

[Букатов Вячеслав Михайлович](#), доктор педагогических наук.
профессор Московского психолого-социального института

DOC

PDF

3 1 5 0

228

Поделиться...

08.07.2016

Откуда возникает ученический негативизм? Как этого избежать, «погасить»? Один из таких примеров – дидактическая игра.

Учебно-игровая деятельность учеников на уроке, вызывая у детей яркие субъектные переживания,

оказывают реальное влияние на развитие — становление — корректировку их личностей.

Игра создает зону ближайшего развития, и в ней ребенок становится как бы на голову выше самого себя.

Л. С. Выготский

«Превращение на месте» с «поиском проверяющих»

В середине урока русского языка, например, в 5-м классе учитель энергично и собранно предлагает: «А сейчас все встаньте!» — ученики встают. И учитель продолжает: «И помашите руками». При этом он и сам машет руками, а вслед за ним и все ученики, многие из которых с явным удовольствием.

Учитель: «А теперь машите руками так, чтобы было понятно, в кого вы превратились: в *орла, комара, воробья* или *курицу*». Все ученики тут же начинают развлекаться превращениями. И опять с удовольствием.

А потом каждый записывает в своей тетради

система
Orphus

Нашли ошибку или опечатку?

Выделите ее в тексте
и нажмите Ctrl+Enter.

Спасибо!

© Издательская фирма «Сентябрь»

[Знакомство с системой](#)

`<div></div>`

названия предложенных учителем летающих существ. Но опять с «игровым условием»: надо записать существ, в которых превратился кто-то из других учеников, кроме того, в кого превратился сам (!). Записанное же в своей тетради каждый ученик начинает изменять по падежам.

Закончив склонять, все по просьбе учителя начинают проверять правильность своих записей. Для проверки они должны подойти именно к тому, кто превращался в одного из этих существ (таких «судей» может быть несколько, но не меньше, например, троих). Каждый из них вчитывается, задает уточняющие вопросы, советуется, в случае необходимости вносит исправления в записи хозяина тетради, ставит оценку и собственноручно ставит подпись (!).

Ракурсы

Созданную учителем игровую ситуацию можно рассматривать с разных сторон и на разных уровнях. Например, с точки зрения интерактивности. Или в ракурсах субъектных универсалий ФГОСа нового поколения: уметь ребенку быть собой, уметь воспринимать окружающий мир, уметь общаться с другими.

Или, например, рассмотреть организационную роль *двигательной активности* учителя и класса в создании игровой атмосферы на уроке.

Принесет свою пользу даже такая постановка вопроса: значение нарушения учителем предписываемой методистами организационной последовательности, по которой объяснение игрового правила и дидактических целей должно *предшествовать* выполнению учениками игровых действий.

Но мы сосредоточимся на ракурсе представлений о субъектной *тайне*.

Тайна человечества

Выдающийся отечественный мыслитель А. Ф. Лосев в одной из бесед в кругу своих учеников заметил: личность — *тайна* одного;

любовь — тайна двух; а всеобщий коллектив как исторический организм, вечно стремящийся себя утвердить, — это тайна уже не одного, не двух и не трех, но *тайна всего человечества*.

Если ощущение тайны исчезает, то личность в наших глазах становится функционером, любовь — сожительством, коллектив — конторой, человечество — конгломератом друг с другом соперничающих государств.

А если ощущение тайны и не появлялось? Тогда *субъектность содержания* таких понятий, как личность, любовь, коллективизм, человечество, оказывается пустотелой.

Ребенок, играющий во дворе в обычные прятки, занят деятельностью, которая хоть и начинается с малого, почти с пустяка — с ощущения себя при тайне (*при-таившимся*), но значит очень много.

Взгляд вовнутрь

Особо поясним, что прятки — одна из гениальнейших традиционных детских игр. Это равнодушному прохожему может показаться, что согнувшемуся в три погибели игроку больше *делать нечего*, как в прятки играть. Сам же игрок ощущает себя вполне при деле, и даже более того — при тайне, иллюзорность которой позволяет ему ощутить реальность *феномена* собственного существования, то есть свою «субъектность» (о которой в последнее время учителям стали напоминать все чаще и чаще).

По Выготскому, в игровой — мнимой — ситуации происходит осознание ребенком собственной мысли, желания, своего «я».

Чем младше ребенок, тем проще игра, тем примитивнее предлог для возникновения тайны. По мере взросления игроков большинство традиционных детских игр *самоусложняется* (!). Это делает их достаточно долговечными.

Взрослея, ребенок в прежних играх открывает новые, посильные для себя глубины, новые тайны, которые помогают ему понять, что в нем есть нечто, что другим о нем

неизвестно.

Он узнает свою непрозрачность для других, свою непроницаемость. Образ тайны извне переселяется вовнутрь, и прежние игры, обнаруживая свое очередное двойное дно, стимулируют и укрепляют это переселение.

Тайна одного

Когда взрослому ребенку (например, подростку) в прятках простого *притаивания* (пусть даже усложненного «перегонками») становится мало, то есть тайна этого типа ему становится тесновата, то ритмизация, игровой азарт помогают ему обнаружить уловки-усложнения, которые, помимо победы в игре, позволяют распознавать свою непрозрачность, субъектность на более сложных уровнях.

Представим, что в то время, когда все игроки бегут прятаться бесшумно, один из участников игры вдруг почему-то громко топчет и вообще старательно шумит. Но, пробежав несколько метров в одном направлении, он вдруг его резко меняет и уже на цыпочках, стараясь быть бесшумным, удаляется в другом направлении.

«Я знаю, что ты знаешь». То есть: я (прячущийся) думаю, что ты (водящий) по моему топоту подумаешь, а я побежал совсем в другую сторону.

Если водящий — новичок, он легко ловится на удочку и пытается искать этого игрока в ложном направлении. И когда водящий настолько далеко отходит от «дома», что становится безопасен, наш затаившийся хитрец выскакивает из укрытия и бежит в дом «выручаться»: «Палочка-выручалочка, за всех и за себя!»

Из всей симфонии возможных комментариев отметим лишь, что если раньше игроку ощущение **себя** в основном давала внешняя привязка к тайне (притаивание), то сейчас это ощущение в нем возникает в связи с собственным игровым замыслом (целеполаганием) и его непроницаемостью для другого («я знаю, что **ты** думаешь, но что

думаю я — для тебя тайна»).

Тайна уже оказывается внутри, ее носителем становится сам игрок. Цель его действий оказывается явно сокрытой, тайной для партнера. Так игровое хитросплетение помогает ребенку обретать рефлексивное ощущение «тайны одного», познавать проблески личности, утверждаться в личном целеполагании.

Привлекательная непонятность

Вернемся к ситуации на уроке. Само задание учителя — встать и руками помахать — на уроке русского языка для учеников является простым, и выполнить его им ничего не стоит. (Более того, на уроке лишний раз подвигаться школьникам всех возрастов — и уж тем более пятиклассникам — всегда интересно и заманчиво.)

А вот цель, достичь которую планирует учитель, им не видна. Вместо ожидаемой дидактичности они сталкиваются с какой-то непонятностью, с *тайной*.

Если бы подобное задание им предложили на уроке физкультуры, то они, подняв руки и помахав ими автоматически, никакого признака непонятности и тайны не обнаружили бы, так же как и признака игры.

Оглашенная дидактика

Представим, что учитель, движимый тривиальными дидактическими наставлениями, начал с того, что произнес, ну, например, следующее: «Сейчас вы будете склонять в тетрадке три слова из четырех. Запишите эти слова: *орел, комар, воробей, курица*. Но сначала вы встанете и начнете махать руками так, чтобы превратиться в кого-нибудь из них. В кого вы превратитесь, того склонять в тетрадах не надо. А потом мы проверим правильность записей в ваших тетрадах. Приступайте к заданию».

После такого объяснения класс вполне может оказаться запуганным и (или) подавленным. Кто-то из учеников может начать защищаться от задания демонстративным равнодушием, кто-то — демонстративным отказом. В лучшем

случае некоторые ученики без всякого вставания и махания запишут три слова и тихо начнут их склонять, возможно, путаясь и в последовательности падежей, и в окончаниях слов, и в правописании в них гласных.

В нарисованной картине обычные тенденции учительской работы оказались утрированными, краски сгущены. Сейчас нас в этом окарикатуренном правдоподобию больше всего интересует учительское объяснение целей (урока, задания, предлагаемого действия), так как методисты настаивают на том, что бесцельные действия неэффективны.

Для наглядности несколько упростим картину. Учитель всего лишь произносит: «Сейчас, для того чтобы превратиться в летящего: орла, комара, воробья, курицу, вы встанете и начнете махать руками».

В такой постановке задания уже меньше пугающей дидактики и больше необычности. Но по сравнению с исходным вариантом этот явно менее игровой, то есть менее таинственный. В нем не очень привлекательно выглядит провозглашаемая учителем цель, которая, несмотря на то что стала рудиментом («начните махать, для того чтобы превратиться...»), все же торчит в задании, как «кость в горле», мешая ему стать игровым.

Чем больше целей, оглашаемых учителем, и чем они серьезнее или грандиознее, тем менее симпатичными будут выглядеть в глазах учеников самые безобидные или даже привлекательные «игровые действия».

И наоборот, ученики, как показывает практика, вопреки дидактическим иллюзиям учителя, легко и даже с удовольствием совершают действия, цели которых педагогом не оглашены. Особенно если их содержание неожиданно, дидактически непрозрачно.

Секреты притаивания

Почему же дидактическая цель, оглашаемая всему классу перед заданием, становится непривлекательной для многих учеников

(а в подростковом возрасте — для очень многих)? Почему ученикам в самой согласии с предлагаемой педагогом целью мерещится потенциальная угроза непроницаемости, таинственности их внутреннего мира?

Столкнувшись с чужой целью, ученики тут же вспоминают о собственной субъектности, и поэтому отказ от произносимой учителем цели становится для многих школьников способом возвращения, обретения, углубления своих ощущений собственной субъектности.

Известно, что иногда школьники заранее склонны отказываться от учительской, чужой цели, которую при другом раскладе они, возможно, с удовольствием бы приняли. Услышанная учеником из уст учителя цель предстоящей деятельности, по сути, низводит его субъектность к тривиальной объектности.

Для человека, уверенного в своей субъектности, в этом нет ничего страшного, и он легко справляется с этой кажущейся угрозой. Иное дело подросток: до уверенности в своей субъектности ему еще далеко.

Ребенок может физически ощущать, как направленная на него цель приравнивает его к бездушному предмету, к вещи, функция которой — хорошо служить субъектным желаниям человека. Перед учеником как бы возникает выбор: овеществиться и безропотно выполнять задуманное учителем или показать прорезающиеся зубки своей субъектности.

Многим учителям хочется, чтобы ученики выбирали первое, и в то же время все учителя знают, что таких учеников-оппортунистов мало. И это правильно.

Подростковый диссонанс

Интуиция учителям справедливо подсказывает, что подростковый и юношеский **негативизм** хоть и возникает как явление естественное и неизбежное в ходе развития ребенка, но ничего хорошего ему не несет.

Моменты негативизма являются моментами осознания себя как оппозиционного всему. Самосознание как бы закликивается на себе

самом, попадает в плен слепого самолюбования.

И учителя, конечно, правы в том, что такое самосознание есть не восхождение к личности, наоборот, оно может вызывать задержку в ее развитии. Но сделать они уже ничего не могут, кроме как переложить всю ответственность на самого ученика и призывать к тому, чтобы он управлял своими чувствами и эмоциями.

Если эти педагогические призывы ученик будет воспринимать как очередные направленные на него педагогические цели, то они окажутся тем самым маслом, которое не следует подливать в огонь, если мы не хотим «раздуть пожар».

Отзывы экспертов

«Игровые формы работы актуальны в любом возрасте. Имеют хорошую продуктивность, если учитель понимает, что и для чего он это делает. Не игра ради игры, а игра как средство достижения цели. Этому надо учиться, это надо применять. Ведь активные формы игры для современных детей не свойственное им занятие. Только урочная и внеурочная деятельность с дополнительным образованием могут еще вырвать детей из гиподинамического существования».

«Очень сложно. Но очень интересно. По крайней мере, я испытал истинное удовольствие от прочитанного: привлекла глубина мысли. Без понимания сущностных особенностей личности ребенка трудно правильно построить образовательную деятельность. И здорово, что есть люди, разделяющие эту мысль».

«Логика у автора железная.

И фундаментальная научная основа для подобных рассуждений тоже есть. Умение создать тайну на уроке, о которой идет речь в тексте, — это высший пилотаж для учителя, секрет его педагогического мастерства. Статья — ключ к этому секрету».

«Иногда полезно вспоминать, что каждую секунду школьного дня мы можем использовать для открытия тайны. И становится очень грустно, когда ежедневно работающий педагог забывает об этом и становится лишь транслятором невоспринимаемых прописных истин. Для меня, как человека ведущего и посещающего уроки, важен результат, к которому приведет ребенка учитель, и способ, который он для этого изберет. И если этот способ будет таким, чтобы исключить негативные моменты восприятия, то честь и хвала педагогу».